

*От лицемерия к рационализации:
дискурсивная трансформации
в сфере сексуальных отношений*

Елена Здравомыслова, Анна Темкина

В данной статье мы рассматриваем основные изменения, которые произошли в сфере сексуальных отношений в постсоветском обществе на дискурсивном уровне¹. Для концептуализации этих изменений мы используем понятие «режим сексуальности», которое описывает устойчивые конфигурации повседневных и публичных дискурсов и конструируется на основании эмпирических исследований. С одной стороны, интерпретации сексуальности в приватной жизни и в официальных репрезентациях во многом соответствуют друг другу, являются до некоторой степени гомологичными. С другой стороны, между ними всегда существуют зазоры и разрывы. Сфера сексуальности позднесоветского периода характеризуется структурным расхождением между официальными и приватными (повседневными) интерпретациями, советским пуританизмом публичного умалчивания и крайне низкой степенью институциональной рефлексивности в отношении сексуальных практик. Публичное умалчивание сексуальности, закрытость профессиональных дискурсов, отсутствие образования и гласного обсуждения быстро либерализующихся сексуальных практик, вытеснение обсуждения сексуальности в сферу теневого фольклора – все это позволяет нам назвать советский дискурс о сексуальности лицемерным.

В постсоветский период в России разрыв между публичным и повседневным приватным дискурсом существенно сокращается. Сексуальность, в отличие от советского времени, репрезентируется в разнообразных, конкурирующих между собой, публичных и приватных дискурсах. На смену дискурсивному лицемерию, обеспеченному цензурой, приходит рационализация сексуальности, основанная на натурализации, с одной стороны, и коммерциализации – с другой. Эти тенденции воплощаются в репрезентациях, институциональных системах и в повседневном опыте.

«Режим сексуальности» как аналитический инструмент

Мы реконструируем режимы сексуальности, которые регулируют действия и взаимодействия людей в различных контекстах и управляются официальными и повседневными дискурсами. Разные режимы предполагают артикуляцию разных идентичностей и разных сексуальных практик. Термин «гендерный режим» описывает конфигурацию структурных ограничений и гендерно-маркированных практик (опытов) на уровне социальных институтов. Социальный институт мы здесь понимаем в духе теории структуризации Гидденса, близкой к позициям экономического неонституционализма, – как совокупность устойчивых воспроизводящихся формальных и неформальных правил, регулирующих конкретное поле взаимодействия (Гидденс, 2003). Гендерно маркированные действия агентов в социальных институтах задаются внешними по отношению к ним гендерными иерархиями и таким образом воспроизводятся. Одновременно, индивидуальные и коллективные практики агентов способны изменять структурные рамки гендерного порядка (Connell, 1987).

Сексуальные отношения являются базовыми для гендерного порядка. Именно из представления о сексуальном базисе гендерных отношений исходят феминистские исследователи. В каждом обществе существуют внешние по отношению к индивиду правила организации сексуальности, закрепленные в устойчивых практиках индивидуального поведения. Такие правила вырабатываются гендерной и сексуальной политикой и идеологией, законодательным и институциональным регулированием брачного, репродуктивного и сексуального поведения, культурными дискурсами, имеющими давнюю традицию или претендующими на новаторство и авангардизм. Практики приватной интимной жизни не обязательно жестко соответствуют внешним предписаниям, повседневный опыт часто отклоняется от них, в результате чего возникают новые конфигурации практик и структур, в том числе и в сфере сексуальных отношений.

Итак, режимы сексуальности – это относительно автономные способы организации сексуальных отношений, представляющие собой совокупность внешних (структурных) условий, предписаний и ограничений, с одной стороны, и практических действий агентов – с другой. В рамках режимов производятся и воспроизводятся характерные для них сексуальные практики: так, например, сексуальная жизнь общеобразовательной школы отличается от сексуальных практик промышленного предприятия или железнодорожного вокзала.

Сексуальные режимы можно исследовать по-разному. В данном случае, мы рассматриваем их через призму репрезентаций, представленных в публичных и частных дискурсах (рассказах о повседневной жизни²). На основе анализа биографических интервью и официальных текстов советского и постсо-

ветского времени³ мы выделяем следующие параметры, характеризующие режимы сексуальности разных социальных институтов:

1. *Режим доминирующей гетеросексуальности* определяет характер доминирования (который может быть относительно более репрессивным или более либеральным) и степень терпимости в отношении гомосексуальности и гомосексуалистов. В одних контекстах гомосексуальность может считаться преступлением, в других – маркером социального престижа и пр. Этот режим определяется законодательными актами, уровнем общественной толерантности по отношению к другим сексуальным предпочтениям (отношение к нетипичности), положением гомосексуальных сообществ в обществе, интерпретацией гомосексуальных практик в повседневности.

2. *Режим гендерной поляризации*. В рамках этого режима задаются диапазон и критерии различий в предписаниях по поводу сексуальности, адресованных мужчинам и женщинам. Иногда эти различия достигают степени поляризации и культурного противопоставления, чреватого конфликтом. В большинстве обществ от мужчины ожидается активность, инициатива и ответственность в сексуальных отношениях, мужская сексуальность и желание репрезентируются как природно обусловленные, полигамные, доминирующие. Женское желание и сексуальное удовлетворение умалчиваются, оцениваются как незначимые или опасные. В обществах, переживших «сексуальную революцию», гендерные различия в сфере сексуальности переосмысливаются, двойной стандарт ослабевает или сходит «на нет». Данный режим связан с доминирующими в обществе представлениями о мужественности и женственности, о разделении гендерных ролей.

3. В рамках *брачно-репродуктивного режима* определяется соотношение сексуальности и деторождения. В некоторых обществах и социальных группах сексуальные отношения признаются единственно легитимными, если они мотивированы репродуктивными целями и ограничены рамками брака. Такой режим поддерживается традицией, государственными институтами, политикой, идеологией. В других (со)обществах сексуальность рассматривается гораздо шире, в частности, легитимными считаются добрачные и внебрачные отношения, немотивированные репродуктивными целями.

4. *Романтический режим* связывает сексуальные отношения с романтическими чувствами; при этом, сексуальность репрезентируется как следствие и выражение любви и страсти. Предполагается, что браки должны основываться на любви, а любовь является средством индивидуализации, выбора и самовыражения (Giddens, 1992). Романтический режим сексуальности поддерживается разного рода любовными дискурсами, циркулирующими в публичных и повседневных репрезентациях.

5. В рамках *коммуникативного режима* сексуальность описывается как средство или составляющая часть гетеросоциального общения; в основе

сексуальных отношений лежат «общие интересы», сходный стиль жизни, близкие дружеские отношения мужчин и женщин. Данный режим поддерживается дискурсами о дружбе, гетеро-социальными неформальными сетями, формальными и неформальными сообществами. Осуществление некоторых сексуальных практик (например, промискуитетных) в дружеских кругах может служить маркером принадлежности к социальной среде.

6. В *рыночном режиме* сексуальность рассматривается как предмет торга и обмена. Владелец(ница) престижной сексуальности ожидает материальных или символических благ, секс рассматривается как «делка» между сексработницей и клиентом, спонсором и содержанкой и пр. Рыночный режим вновь получает широкое распространение по мере новой волны коммерциализации сексуальности и развития секс-индустрии.

7. *Гедонистический режим* связывает сексуальность с телесными удовольствиями; сексуальные отношения рассматриваются как автономная от брака и репродукции сфера жизни. Сексуальные отношения интерпретируются как отвечающие естественным индивидуализированным потребностям, как реализация природного желания. Данный режим поддерживается обществом массового потребления, в котором сексуальность получает широкую репрезентацию в масс-медиа, искусстве и секс-индустрии.

8. В рамках *режима риска* сексуальность рассматривается как причина и источник социальных болезней – насилия, эпидемий, моральной деградации и пр. Проституция, болезни, передающиеся половым путем, разного рода преступления на сексуальной почве могут интерпретироваться как результат «падения нравов» и «морального разложения» или как социальные проблемы, вызываемые бедностью, недостатками сексуального просвещения или процессами глобализации и пр.

Позднесоветские режимы сексуальности

Для сексуальных отношений позднесоветского периода характерно постоянное воспроизводство разрыва между официальными и повседневными дискурсами. На протяжении всего советского времени существовали сексуальные практики, не совпадающие с официальными предписаниями, однако, начиная с 70-х годов, разрыв повседневности и идеологии приобрел системный и рутинный характер.

Публичные интерпретации «половых отношений» в позднесоветском дискурсе утверждали моральность супружеского секса и естественность гендерных различий, активность мужской сексуальности; пассивность женщины и ее материнское предназначение. Профессиональные дискурсы (медицинский – сексологический и гигиенический, педагогический, психологический, научно-

публицистический) поддерживали нормативные предписания (Темкина 2003). Нормой считалась брачная сексуальность, основанная на взаимной любви и духовной близости; предполагалось, что сексуальные отношения в браке обязательно приводят к рождению детей. Сексуальность (половые отношения) не являлись предметом широкого публичного обсуждения, репрезентации были ограничены профессиональными рамками.

В повседневных дискурсах, с одной стороны, воспроизводились данные нормы. С другой – в это же время происходили существенные изменения сексуальных практик – «революция в повседневности» (Rotkirch, 2000: 24), способствующая распространению внебрачной и внерепродуктивной сексуальности.

Начиная с 1960-х годов отмечается значительный рост разводимости, повторных браков, происходит нормализация добрачных и внебрачных связей (адюльтера) в массовой культуре и повседневной жизни и проблематизация официального дискурса в периферийных научно-публицистических дискурсах. Разрыв в публичных и повседневных репрезентациях позволил назвать такую сексуальность «лицемерной» (Zdravomyslova, 2001). Сексуальная сфера в основном умалчивалась, она характеризовалась низкой степенью институциональной рефлексивности (отсутствием доступного экспертного знания, институционального обеспечения репродуктивного планирования и пр.).

Рассмотрим, как воспроизводился разрыв публичных и частных дискурсов в различных режимах сексуальности, одновременно обеспечивая их непротиворечивое существование (см. таблицу).

Итак, для позднесоветской сексуальности характерно господство гетеросексуального и гендерно иерархизированного режимов сексуальности, основанных на доминанте мужской сексуальности. В официальном публичном дискурсе ядро составляет брачно-репродуктивный режим. Романтический и коммуникативный режимы поддерживаются разнообразными культурными репрезентациями.

На уровне повседневности артикулируются практики, соответствующие этим режимам, однако они составляют иную конфигурацию, с большей значимостью романтического и коммуникативного дискурсов. Режимы, пресекаемые или отрицаемые официальными идеологиями (гомосексуальный, рыночный, частично – режим риска), получают ограниченное распространение на уровне повседневности, в определенных социальных средах и ситуациях. Практики, соответствующие таким режимам, умалчиваются, скрываются от окружения, в рассказах о жизни они проблематизированы. Гедонистический режим крайне скудно и поляризовано репрезентирован на уровне публичности и на уровне рассказов о повседневной жизни.

Дискурсивные разрывы в позднесоветских режимах сексуальности

Официальные дискурсы: законы, СМИ, программная литература, советское кино	Повседневные дискурсы; автобиографические и биографические нарративы
Гегемония гетеросексуальности; уголовное наказание секс меньшинств до 1993 г., умолчание	Гегемония гетеросексуальности; средняя толерантность; гомосексуальность репрезентируется как девиация
Биологизированное тендерно поляризованное гражданство, наделяющее мужчин и женщин разными правами, обязанностями и потребностями. Мужская сексуальная доминанта	Тендерно иерархизированная и поляризованная сексуальность, приписывание мужчинам и женщинам различных сексуальных потребностей. Утверждение сексуальной активности и биологической полигамности мужчин, пассивности и проблематичной сексуальности женщин.
Репродуктивный режим – ядро официальной политики сексуальности, поддержан идеологией, законодательством, культурными репрезентациями. Брак – основная легитимная форма сексуальных отношений. Магеринство – приоритетная гражданская обязанность. Допускается внебрачное материнство. Пронатальная политика и идеология поддерживаются низкой степенью институциональной рефлексивности (недостаточностью знаний, недостаточностью эффективной контрацепции). Следствием является «спринудителное» деторождение	Репродуктивный режим составляет основу повседневных дискурсов о сексуальности, поддерживается социальной политикой, предоставляющей льготы матерям; организацией приватной жизни, ядро которой составляет «расширенная нуклеарная» семья. В нарративах представлен как рассказ о беременности, абортах, родах и воспитании детей. онтрацептивную культуру можно назвать абортной. Рутинизация стихов нежелательной беременности и опыта аборта характерно для женщин на протяжении всего репродуктивного цикла
Романтический режим составляет ядро массово-культурных репрезентаций (литература, кино, публицистика), любовь считается необходимым условием брака и деторождения. Страсть репрезентирована как разрушительная и неоценимая сила, легитимизирующая внебрачную сексуальность, в особенности для мужчин	Романтический режим составляет ядро повседневно дискурса, легитимирующего разные формы сексуальных отношений (в т.ч. добрые и внебрачные). Данный режим представлен в рассказах о влюбленностях, любви, ревности, последовательной моногамии, страсти. Страсть описывается в нарративах как неуправляемая, но неизбежная
оммуникативный режим прямо не признается, однако опосредованно поддерживается дискурсами о дружбе, коллективности, солидарности. Может выступать легитимацией брака	оммуникативный режим составляет основу повседневных дискурсов, легитимизирующих внебрачную и нерепродуктивную сексуальность и промискуитет. Поддерживается значимостью социальных сетей в повседневной жизни. Воплощается в рассказах о сексе на основе дружбы, общения, совместных дел и интересов; иногда репрезентирован как протест против официальных регламентаций
Рыночный режим официально пресекается (наказания за проституцию, осуждение «браков по расчету» и пр.)	Рыночный режим распространен в некоторых социальных средах. В рассказах о жизни возникает категория «обмена» женской сексуальности на материальные блага (например, на дефицит разного рода) или на продолжительную материальную поддержку или социальное продвижение
Гедонистический режим прямо не признается; косвенно артикулирован в различных репрезентациях мужской «спортивной» сексуальности; обсуждается в профессионализированных медицинских дискурсах как проблема сексуальной дисфункции партнеров	Гедонистический режим в повседневности не артикулируется; косвенно артикулирован в различных репрезентациях мужской «спортивной» сексуальности. Сексуальное удовольствие женщин часто описывается ими как проблема, либо умалчивается и женщинами, и мужчинами
Режим риска умалчивается, его отдельные проявления интерпретируются как «пережитки прошлого» или «западное влияние»	Режим риска актуализирован в определенных средах, в конкретных ситуациях (отпуска и командировки, связан с эмансипированностью женщин и традиционностью мужчин, провоцирован употреблением алкоголя, общением с «чужаками», принуждением к сексу, насилием и пр.)

Постсоветские режимы сексуальности

Начиная с середины 1980-х годов, разрыв между публичными и частными репрезентациями в сфере сексуальных отношений сокращается. Сфера сексуальности во многом высвобождается от государственного контроля, идеологической цензуры, она признается в публичных дискурсах автономной естественной сферой человеческих потребностей, широко и неограниченно репрезентируется в профессиональной, масс-медийной, секс-индустриальной продукции. Возрастает внимание к телесности и сексуальным удовольствиям. Повышается институциональная рефлексивность в отношении либерализованных сексуальных практик, которую обеспечивают экспертные системы, профессиональные знания, масс-медиа, рынок, обслуживающий сексуальную сферу. Однако уровень институциональной рефлексивности все еще запаздывает за либерализованными практиками. Сексуальные свободы не сопровождаются массовым ответственным сексуальным поведением, соответствующим представлениям о «безопасном сексе». В новых условиях усиливается относительная значимость режима риска, в котором проблематизируются опасности, связанные с сексом. В проблематизации сексуальности участвуют конкурирующие публичные дискурсы. В либеральном дискурсе сфера сексуальности – это прежде всего просвещение, репродуктивное планирование и обеспечение и сексуального здоровья. В консервативном дискурсе сексуальность репрезентируется как сфера социальных проблем, болезней и морального разложения. Консерваторы ориентируются на жесткую регламентацию сексуальных практик и утопию возврата к пронатальной брачной сексуальности.

Усиливаются разрывы между отдельными режимами, которым соответствуют разные сексуальные практики и идентичности. Рассмотрим режимы подробнее, учитывая их преемственность и разрывы по отношению к советскому периоду.

Постсоветские режимы сексуальности

1. Режим гетеросексуальности сохраняет свое доминирование, одновременно растет толерантность по отношению к сексуальным меньшинствам. На уровне повседневности происходит постепенное выделение гомосексуального милье в автономную сферу коммуникации и специфический образ жизни, имеющий свою социальную нишу.

2. Гендерная поляризация поддерживается и отчасти усиливается неорационалистскими дискурсами (как либеральными, так и консервативными), которые утверждают природные различия мужчин и женщин. Однако гендерная иерархия не столь выражена, как прежде. В публичных репрезентациях

происходит сексуализация мужского и женского тела при доминанте сексуализированной женственности. На уровне повседневности признается «биологическая природа» различий между мужчинами и женщинами. Либеральные практики сексуальности со-существуют с двойным гендерным стандартом. Признается наличие сексуальных потребностей у женщин. Сексуальная инициатива женщин остается проблематичной, но постепенно обретает свою дискурсивную и социальную нишу.

3. Брак и деторождение остаются ядром публичной политики сексуальности, однако в конкурирующих дискурсах брачный режим имеет разное смысловое наполнение. Для либерального дискурса – брачный режим сексуальности предполагает реализацию индивидуального рационального выбора. Для консервативного – брак и деторождение связаны с гражданской ответственностью перед нацией или выражают соответствие религиозным нравственным нормам гетеросексуальности.

В повседневности брачно-репродуктивный режим предстает как сфера планирования и регламентации совместной жизни, переговоров между партнерами, выбора и индивидуальных решений. Однако планирование часто срывается из-за эффектов недостаточной институциональной рефлексивности. Как показывают наши исследования, осуществлению рациональной программы репродуктивного поведения, которой намереваются следовать молодые партнеры, противодействуют следующие обстоятельства (их список далек от завершения):

- недостаточность собственных знаний в области репродуктивного поведения (при этом женщины обладают большим знанием, чем мужчины);
- недоступность подходящей контрацепции;
- отсутствие навыков в переговорах между партнерами по поводу сексуального и репродуктивного поведения;
- гендерная поляризация установок на ответственное сексуальное поведение (в т.ч. приписывание женщине ответственности за предохранение от беременности и за принятие решения о деторождении).

4. «Жизнь страстями» (*Rotkirch*, 2000), характерная для позднесоветского поколения, оттесняется на периферию в публичных и частных дискурсах. Романтизация отношений свойственна только для молодого возраста, при этом в масс-медийном дискурсе романтизм приобретает эротический характер. Романтическому режиму оппонирует тенденция к рационализации, демистификация сильных чувств и страсти. Эта тенденция находит выражение в публичных и частных дискурсах. В биографических нарративах рассказывается о контроле над эмоциями, о рациональном поиске и выборе партнеров, о преимуществах браков по расчету. Романтическая любовь перестает выступать струк-

турно образующим стержнем рассказов о сексуальности. Но страсть как неподдающееся управлению желание по-прежнему легитимизирует внебрачную сексуальность, не только мужскую, но и женскую.

5. Коммуникативный режим сохраняет свое значение в повседневности, усиливается в определенных средах, для которых характерен поиск и выбор партнера, разделяющего ценности и стиль жизни. Сексуальные отношения становятся предметом переговоров между партнерами и саморефлексии, средством индивидуализации и идентификации, выстраивания совместной биографии (Giddens, 1991).

6. Рыночный режим, широко распространенный в масс-медийных репрезентациях, поддерживается обществом потребления и коммерциализацией сексуальности. Сексуальные отношения в повседневности описываются как сделка или обмен между обладателями разных ресурсов: сексуальной привлекательности, с одной стороны, и экономических, социальных или культурных капиталов, с другой. Практики спонсирования, проституции, в некоторых средах полная легитимация института «любовницы» получают все более широкое распространение и свидетельствуют о тенденциях гендерной иерархизации. Контракт между молодой, сексуально привлекательной женщиной и богатым мужчиной претендует на гегемонный тип сексуальных отношений.

7. Гедонистический режим составляет ядро репрезентаций в масс-медийном дискурсе, в репрезентациях секс-индустрии. Это автономная сфера сексуальных отношений, направленных на получение удовольствия. Тело и телесные ощущения репрезентированы в биографических нарративах как источник удовольствия, сексуальное желание обретает самостоятельный статус, пропагандируются и практикуются техники достижения максимального удовлетворения в сексе.

8. Режим риска – другое ядро публичных репрезентаций.

В консервативных дискурсах сексуальность легитимируется как тема публичного обсуждения в связи с «социальными болезнями» – в контексте проблем СПИДа, проституции, гомосексуальности, наркомании, насилия и пр. Влияние на общество и его моральное устройство становится точкой отсчета для трактовки секса. Секс определяется как «опасный» (Кон, 1997) и «рискованный». В биографических рассказах более часто появляются упоминания насилия, заболеваний, сексуального принуждения, связи наркотиков и секса, разного рода рискованных ситуаций и групп риска, с которыми сталкиваются рассказчицы и рассказчики.

Итак, в постсоветской сексуальности существует тенденция перехода от лицемерного дискурса о сексуальности советского периода к рационализации. Последняя находит выражение в выборе сексуального или брачного партнера, в определении сексуальных отношений как получения удовольствия или как обмена благами. Рациональные интенции присутствуют в планировании семьи

и деторождения как части организации жизни индивида и пары, хотя такие намерения зачастую оказываются под угрозой срыва из-за недостаточной институциональной рефлексивности на уровне повседневности. С рациональными тенденциями пытается конкурировать консервативный дискурс, постоянно обыгрывающий риски свободной сексуальности, сочетающейся с недостаточной институциональной рефлексивностью.

-
- ¹ Различным аспектам трансформации сексуальных отношений в России в настоящее время посвящено большое число академических публикаций. Мы здесь упоминаем только некоторые из них.
- ² О сценариях сексуальности как совокупности дискурсивных практик повседневности см. Темкина, 2002.
- ³ Анализ официального советского дискурса осуществлен на основе изданной профессиональной литературы (сексологической, культурологической, психологической, педагогической, социологической, просветительской), посвященной «половым отношениям» 1960-1985 гг. Исследование публичного постсоветского дискурса основано на выборочном анализе журналов, профессиональной литературы и на вторичных исследованиях. Анализ повседневного дискурса осуществлен на основе 25 интервью с мужчинами и 25 с женщинами (городское образованное население), проведенными в 1995-1996 гг. в рамках российско-финского проекта *Социальные изменения и культурная инерция в России*.

Литература

- Гидденс Э. *Устройство общества: Очерки теории структуризации* (Москва: Академический проект, 2003).
- В поисках сексуальности*: Сборник статей, под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной (СПб.: Изд-во Д. Буланин, 2002).
- Кон И. *Сексуальная культура в России. Клубничка на березке* (М.: О.Г.И., 1997).
- Темкина А. Сценарии сексуальности и гендерные различия, *В поисках сексуальности*: Сборник статей, под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной (СПб.: Изд-во Д. Буланин, 2002), с. 247-286.
- Темкина А. Половая жизнь в позднесоветском браке, *Семейные узы: модели для сборки*, под ред. С. Ушакина (М.: НЛЮ, 2003), с. 515-547.

- R. Connell, *Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics* (Polity Press, 1987).
- A. Giddens, *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age* (Cambridge: Polity Press, 1991).
- A. Giddens, *The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies* (Stanford: Stanford University Press, 1992).
- A. Rotkirch, *The Man Question: Loves and Lives in Late Twentieth Century Russia* (Helsinki, 2000).
- E. Zdravomyslova, «Hypocritical Sexuality of the Late Soviet Period: Sexual Knowledge and Sexual Ignorance», in *Education and Civic Culture in Post-Communist Countries* in S. Webber and I. Liikanen eds. (Palgrave, 2001), pp. 151-167.